

ковный характер, что как будто противоречит общему направлению владимирской культуры, насыщенной светским содержанием. Но в своде 1212 г. этот церковный характер заметно ослаблен и — вероятно, по указанию самого князя — лексика свода очищена от излишних церковнославянизмов.³ Кроме того, свод был украшен множеством миниатюр. Очевидно, именно последнее десятилетие XII в. (точнее, время после 1193 г.) было периодом полного торжества светского начала во владимирской культуре.

В 1194 г. Всеволод приступил к постройке своего дворцового Дмитриевского собора, собрав для этого большую артель мастеров, среди которых были выходцы из Балкан.⁴ Перед ними была поставлена грандиозная задача: выразить в пластических образах фасадной скульптуры идею величия Владимирской земли и самого Всеволода III. И это было сделано.

Скульптура Дмитриевского собора, помимо своих исключительных художественных качеств, очень ценна тем, что позволяет составить представление о широком круге литературных, апокрифических и фольклорных источников, питавших творчество мастеров и характеризующих направление общественной мысли того времени.

В определении общей композиции богатого скульптурного убранства Дмитриевского собора его мастера, очевидно, руководствовались пластикой храма Покрова на Нерли. Там олицетворением идеи покровительства Владимирской земле явился пророк богоматери царь Давид. Здесь во главу угла был поставлен сын Давида царь Соломон.⁵ К выбору образа Соломона, как центрального в скульптурном замысле, подводила вся историческая обстановка. Уже Андрей Боголюбский вдохновлялся в своем строительстве блеском Соломонова двора.⁶ В летописи он и назван «вторым мудрым Соломоном».⁷ Великому Всеволоду III сравнение с Соломоном должно было импонировать еще больше. Есть все основания считать, что материалом для выбора образа Соломона в качестве своеобразного «синонима» самого Всеволода III послужила та средневековая «Соломонова сага», которая образовалась от сложного переплетения и взаимопроникновения Библии, Хроники Георгия Амартола, Сказания о Соломоне и Китоврасе, сказок и былин о Соломоне (Соломане, Василии Окульевиче), сказаний об Акире Премудром и Александре Македонском и, может быть, даже Голубиной книги.

Уже одного перечисления возможных источников творчества Всеволодовых мастеров достаточно, чтобы почувствовать, сколь широка была его литературно-фольклорная подоснова. Летописи — это только небольшой кусочек владимирской словесно-художественной культуры, для реконструкции которой, как теперь выясняется, скульптура Дмитриевского собора дает интереснейший материал.

Знакомство владимирских мастеров с Хроникой Георгия Амартола доказано Н. Н. Ворониным.⁸ Но та часть Хроники, которая повествует о строительстве Соломоном иерусалимского храма, могла быть известна

³ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 279.

⁴ Подробное исследование этого вопроса произведено мною в книге «Скульптура древней Руси», находящейся в печати.

⁵ Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964, стр. 144.

⁶ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. I. М., 1961, стр. 338—339.

⁷ ПСРА, т. I, вып. 2, стлб. 368.

⁸ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. I, стр. 338.